

И короли любили селедку

«Когда на сцене плачет Арлекин, я не могу.
Прости меня, товарищ»

Последние мирные годы. Зима. Я всегда любила это время. Пахнет тмином, хвоей, краской — мандариновым Рождеством. Я в локонах, длинном платье читаю «Сон Татьяны» и очень подражаю первой красавице Москвы, героине Малого театра Елене Николаевне Гоголевой: «И снится чудный сон Татьяне...»

А на улице крупными хлопьями валит снег, несут елки празднично одетые люди. Снег всюду. Он белой ризой покрывает плечи великого русского драматурга Александра Николаевича Островского. Театральные фонари в белой мгле кажутся нереальными, а у Малого театра нарядная толпа спрашивает лишнего билетик. Идет пьеса Шиллера «Дон Карлос». Играют Сздовский, Аксенов, Гоголева. Спектакль о борьбе долга и чувства, о сильных страстях и великих помыслах. Вот он, главный герой Дон Карлос — артист Липштейн, словно сошел с древней гравюры: изящный, хрупкий печальный принц! И в него влюблена принцесса Эболи — Гоголева. Одержимая желанием увидеть своего возлюбленного, не стыдясь ничего, на глазах всего двора бежит она на свидание, поднимаясь по дворцовой лестнице. Почти достигнув цели, на самой верхней ступени узнает, что Карлос в тюрьме, падает в обморок и катится вниз, сокрушая все на ходу, с головокружительной быстротой. И зал, покоренный ее страстью, готов простить Эболи все ее коварство и дворцовые интриги.

А какую бурю восторга вызывал у зрителя маркиз Позе — Аксенов, когда, пламенно и страстно бросив в лицо Королю — злодею и убийце: «Мой идеал не для эпохи нашей, я гражданин грядущих поколений», уходил с гордо поднятой головой!

Конец спектакля, мы уходим за кулисы, и, еще не снимая костюма, Пров Михайлович Садовский встречает нас. Приглашает ужинать. На тарелочке перед ним — селедка, он с аппетитом ест. Я с ужасом смотрю на могучего короля. Он замечает мой взгляд: «Что вы так смотрите на меня?» Я с вызовом говорю: «Как вы можете?» — «Что я могу?» — с удивлением спрашивает он. — «Вы — король Филипп, едите селедку!» Он громко

смеется: «Деточка! Короли тоже ужинают».

Москва жила двойной жизнью. В театрах шли спектакли, зовущие к благородным порывам, пламенным подвигам, героизму, а тысячи москвичей, возвращаясь после спектаклей, с ужасом видели черные «воронки», наполненные людьми, похожими на тех, которыми они только что восхищались.

Но, может быть, потому и был так привлекателен мир театра — другой, нездешней реальности, в которой правда и благородство всегда побеждали?

Я вижу как сейчас артиста другого театра, Художественного, Василия Ивановича Качалова. Он царственно, медленно прогуливается по Тверской. Многие с ним здороваются. Он поднимает шляпу и вежливо отвечает. Тут и мы, девчонки, тянем жребий — кто с ним поздоровается. Жребий пал на меня! Я забегаю вперед и тихо произношу: «Здравствуйте, Василий Иванович!» Он останавливается, ласково смотрит и, приподнимая шляпу, приветливо отвечает: «Здравствуйте, милая барышня». Я каменею от множества нахлынувших чувств. Ведь со мной поздоровался Бог.

Целую ночь мы меняемся, стоя в очереди за билетами на спектакль «У врат царства», где главную роль играет Качалов. В его исполнении проповедник Ивар так же чист духом, аскетичен, как снежные вершины, которыми он окружил себя, удалившись от грешного мира. Когда Качалов смотрел в зал своими громадными синими глазами, он словно гипнотизировал зрителей, их охватывал страх за свое грешное существование, желание искупить грехи, стать воплощением людской совести.

После спектакля нам хотелось плакать, совершать подвиги, заслужить его похвалу, один ласковый взгляд. В порыве немого восторга мы даже встали в сугроб на колени перед актерским выходом, тем самым выражая свое поклонение качаловскому таланту.

Все это было очень давно, но все, что переживалось нами, «святая сила искусства», — так же верно для меня сегодня, как тогда, в пору моей юности.

Вера ДУБОВСКАЯ,
режиссер.